

Кухня в очередной раз подтвердила мнение Шестой о директоре, как о перфекционисте, чистюле и, возможно, совсем немного зануде. Стерильность операционной, блеск-блеск-блеск каждой поверхности, словно здесь промчалась армия уборщиц с новейшими средствами, попутно выставив каждый предмет по линейке в страхе отодвинуться от «нормы». Сама мысль о магнитике на серой дверце холодильника или наклейке на шкафике казалась кошунственной и отдавала суицидальными наклонностями, ведь, если вспомнить рабочий кабинет, у директора явно пунктик на чистоте и четком порядке, а учитывая его силу, злить Франкенштейна не рекомендовалось.

Шестая скинула кофту на спинку дивана, чтобы длинные рукава не мешались, и услышала за спиной прерывистый вздох. Рейзел, спокойный, как-то по-странному спокойный, смотрел в сторону стены так пристально, словно прочитал в ветвях темно-золотистых узоров откровение.

Девушка опустила взгляд вниз, но ничего предосудительного, кроме, возможно, надписи на футболке, не обнаружила. Подвернутые джинсовые шорты выглядели практически новыми, в таких не стыдно по улице пройти. Неужели все дело в длине? Но ведь директор ни слова не сказал, а у многих виденных на улице девушек юбки не в пример короче.

Наверное, все дело в пистолете на бедре, больше не прикрытом бежевыми лапами.

— Все в порядке? — короткий кивок. — Тогда начнем. Где у директора лежит чай?

Молчание было весьма красноречивым, а пожимать плечами Рейзел явно считал ниже своего достоинства. Шестая вздохнула и принялась методично обыскивать навесные шкафчики, пока не обнаружила подлинный рай для любителей чая и кофе.

Такого количества сортов ей не доводилось видеть даже в доме матери, ценительницы прекрасного напитка. Жестяные коробочки ровными рядами занимали все пространство, подписанные в витых рамочках аккуратным, чуточку вычурным почерком на английском. Пусть простит ее директор, но устоять перед подобным соблазном невозможно. Шестая сунула нос в каждую коробочку.

Китайская «Жемчужина», «Серебряные иглы» и много других, еще более заманчивых, хотя казалось бы, куда уж дальше, сортов. При открытии из-под крышек бил изысканный аромат, словно кто-то заточил в маленькое пространство цветущий сад. Орхидеи, суданские розы, сухофрукты — и это только то, что смогла уловить девушка. А еще добавлялась нотка терпкой, зеленой горечи.

Помимо зеленого чая, директор собрал в «коллекции» сорта белого, черного — настоящего английского! — красного. Вдохнув знакомый и любимый аромат цветущих роз, Шестая улыбнулась. За вредность и переработки полагаются премии или молоко, но так уж и быть, она возьмет чаем.

Дорого, баснословно дорого, изысканно и невероятно вкусно.

— Думаю, чая с тебя достаточно. Не хочешь попробовать кофе? — Шестая потрясла баночкой.

Вторую полку занимали сплошь сорта кофе. С шоколадным, с карамельным привкусом, «суровые» сорта и непозволительно «мягкие», роскошные, требующие для приготовления специальных приспособлений. А ведь у директора кофемашина! Нет, варить такое с помощью механизма — грех, но если не найдется турка, придется согрешить.

— Кстати, тебе можно кофе? — Рейзел вновь кивнул. — Обычно он тонизирует и возбуждает нервную систему. Тебе точно не повредит?

— Нет.

— Ох... эм... ладно. Тогда тебе кофе с шоколадом и карамелью, это очень вкусно. Готовить я буду по старинке, — турка нашлась в нижних ящиках, — потому что, по моему скромному мнению, так гораздо вкуснее. Но! — девушка подняла палец. — Так как я не всегда смогу быть рядом, проведем обучающий экспресс-курс.

Начать ликвидацию пробелов в современных знаниях пришлось с самого простого — проверки розетки. Шестая, как могла, рассказала про электричество, для чего оно нужно. Как диверсант, она разбиралась в узлах питания, схемах, знала, где и что отключить, чтобы обесточить участок или весь район, но объяснить вот так, просто, как ребенку, было на удивление сложно. Познакомить, рассказать, куда ткнуть, для чего та или иная кнопка. Что будет, если вовремя не выключить плиту — какое счастье, что у директора электрическая! Как надо мыть посуду и для чего это вообще нужно. Мама ненавидела свинарник, ее гости убирались наравне с хозяевами, благо гостили всегда только родственники, которых не стыдно гонять в хвост и гриву. Но именно от нее Шестая заразилась невозможностью оставить на утро грязную чашку или тарелку в раковине. Совесть мучила, терзала и пинками гнала вымыть, чтобы уже со спокойной душой лечь спать.

На столешнице медленно, но верно выстраивалась армия чашек с кофе и чаем, благо в запасах у директора нашлась парочка дорогих сервизов. Полупрозрачный фарфор, на такой дышать страшно, не то, что брать в руки. Шестая пообещала себе, если приглашение повторится, притащить обыкновенную брутальную кружку, чтобы не мучиться каждый раз с этикетом и страхом расколошматить тут все к чертовой матери. В принципе, она могла поддерживать разговор в трущобах и королевском дворце в равной степени, ее всему этому обучили. И именно потому — из-за методов и способов обучения — она ненавидела ограничения этикета. Пусть этим займутся те, кому дается подобное легко — Рейзел, например. Его движения настолько естественны в данном отношении, что вызывают невольную зависть. Длинные пальцы, красивые, ухоженные руки, гладкая нежная кожа... За прошедший вечер Шестая не раз краснела, направляя движения, касаясь бледного, лунного, бархата самыми кончиками пальцев. Каждый раз «столкновение» рождало вихрь искр перед глазами, бурю эмоций и странное, непостижимое тепло, овевающее все тело летним ветром. Рядом с Рейзелом становилось так хорошо, так спокойно, и мир вокруг сужался лишь до него одного.

Впрочем, в чем-то собственный разум было легко понять: модификант был умилительным в своей наивности, в своем незнании и чисто детском интересе ко всему. Как поднимать

жалюзи? Почему надо сначала нажимать эту кнопочку, а не другую? Где взять полотенце? Для чего бумажные полотенца, если есть обычные? И так далее, и тому подобное. Он мало говорил, все больше молчал, но его мимика, выразительная, откровенная, давала представление о мыслях, скрывающихся за высоким, белым лбом.

Впрочем, Шестая уже сомневалась в том, что Рейзел — обычный модификант. Он... другой. Не такой, как все, каким бы банально заклишированным выражение ни казалось. Не такой, как парочка М, не походит на сестер и братьев Шестой. Отличается, несет в себе... иное. Возможно, он не знает про обыденные вещи, про то, что считается обыденным... Но ведь и Шестой когда-то понадобилось время, чтобы разобраться в принципах готовки, заваривания чая — мелочах повседневной жизни, которой их никто не учил в лаборатории. Однако ведь при этом специалист в вооружении и снайперской подготовке! Возможно, Рейзел такой же?

Девушка отказывалась перенапрягать мозг и делать выводы на крохах информации. Слишком ошибочны они могут быть. Поэтому взялась за перемывание чашек, вручая хрупкое произведение искусства Рейзелу, который вытирал их и ставил на специально освобожденное место. От всего выводка чайных и кофейных «экспериментов» уцелели по пять «образцов» с той и другой стороны, признанные самыми удачными.

— Кхм... М-мастер?

Стоящий на пороге директор выглядел ошеломленным, чересчур бледным, как будто мир вокруг рушился. Шестая хихикнула: Рейзел с полотенчиком в руках и розовых тапках неподражаем.

— С возвращением, директор! — девушка мельком взглянула на часы. Ну, еще не слишком поздно, он в самом деле быстро управился. — А мы тут учились делать чай и кофе.

— Тсуна готовит кофе в турке... — вставил внезапно Рейзел.

— Но ему я посоветовала не экспериментировать и воспользоваться машиной, — улыбнулась девушка и поймала легкую улыбку, всего лишь приподнятые уголки губ, в ответ.

Щекам стало очень и очень горячо.

— Не хотите попробовать? Кстати, директор Франкенштейн, может, заведете пару обычных кружек? Ну, чтобы не угрожать сервису уничтожением?

— Это готовил Мастер? — мужчина выглядел так, словно ему подарили целое небо...

— Ага. Специально для вас.

...растроганным и до безумия довольным. Но тут его взгляд упал на голые коленки — Шестая

весьма неделикатно взгромоздилась на стойку рядом с плитой. Тонкие брови сошлись на переносице в страшной дилемме.

— Что? Директор, вы же уже видели меня в домашнем! Почему у вас такая реакция?

— Не... не рассмотрел как следует. Тогда я торопился.

От смущения и попыток покраснеть до смерти избавил телефонный звонок. Рейзел прислонился к стойке, с по-прежнему выпрямленной спиной — как вообще возможно подобное? Смакуя очередную чашку кофе, на этот раз с кардамоном. Директор пошел отвечать, и только тогда Шестая заметила порванный рукав. Рукава — рубашка и пиджак, лишь кожа не задета.

Неужели его противники оказались так сильны? Кто они вообще такие? Потому что парочка М не производила впечатления удалых бойцов. Значит, появился кто-то еще? В принципе, логично: работу низших чинов обязаны проверять. Но это создавало дополнительные, весьма нежелательные, проблемы.

— Это Шинву. Они сейчас придут в гости, — развернулся к ним мужчина.

— Мне выйти через окно? — поняла его с полуслова Шестая.

— Возможно, я не совсем верно выразился — они уже пришли и стоят под дверью.

Директор пошел открывать, а Шестая мигом соскочила со своего наместа, пронеслась до кофты и накинула ее, перепрятав пистолет за спину, заткнув под пояс шорт. Не хватало еще, чтобы вооружение заметили. А браслеты... пули в них не видны, так что все нормально.

Скорей всего, они будут дико удивлены ее присутствию и виду, хотя можно все списать на соседский визит. Но — и это доставляло некое злорадное удовлетворение — директор выглядел так, словно предвидел адские мучения.

Впрочем, учитывая повседневное «меню» Шинву и то, как он ест... О, она обязана это увидеть! И в очередной раз проверить самоконтроль уважаемого Виктора Ли.

Шестая мысленно захихикала, продолжая выглядеть невинно и чуточку равнодушно, когда Франкенштейн повернулся к ним со страдальческой гримасой. Так, будто приготовленное драгоценными руками Мастера было его последней надеждой.

— Там есть еще чай?

Ребята ввалились дружной, разноцветной толпой, с приветственными криками и искренним,

заразительным весельем. Они были подобны дуновению свежего ветерка, морским брызгам в лицо в сверкании солнечного дня.

— Тсуна? — глаза Юны удивленно расширились. — Что ты здесь делаешь?

Мальчишки же тем временем отметили внешний вид и количество чашек с чаем, видневшимся через кухонный проем. Какие мысли рождались в их голове, легко читалось по открытым лицам и засверкавшим насмешливо глазам. Оставалось только мысленно застонать и возрадоваться, что никто из приятелей не относился к сплетникам, иначе о ее досуге назавтра знала бы уже вся школа.

— Мы с Рейзелом вместе делали уроки, а после учились готовить правильный чай.

Полуправда, но иногда незнание уберегает. Шестая плечом почувствовала присутствие соткавшегося за спиной одноклассника, и вновь стало спокойно, легко дышать.

Она согрелась.

— О, нет! — Шинву демонстративно застонал, схватился за голову. — Только не делай из него второго заучку! Нам тебя хватает!

Шестая не удержалась, показала язык. По большей части из-за директора, который не сдержал легкую улыбку, и Рейзела, чей веселый хмык прозвучал особенно отчетливо.

Веселятся! Но кто виноват, что она ответственно подходит к домашнему заданию? В отличие от самого Шинву и даже Ик-Хана — тот предпочитал основное время тратить на компьютер.

— А у вас тут орешки есть! Надо же! Мы с собой тоже вкусенького прихватили!

С каждой пачкой чипсов или печенья, рождающейся на свет из пакета, директор выглядел все более обреченно.

Несомненно, свой новый дом Шестая обожала. Это было ее личное убежище с прохладными полами, красивым садом, тиром в подвале и многими другими «вкусняшками» вроде шикарной ванны и огромной спальни, куда поместилась внушительная кровать. Детство заставило ненавидеть тесные пространства и узкие койки, с которых легко было свалиться по ночам, и которые натужно скрипели при каждом движении. При всех тратах на исследования, ученые Эстранео не собирались выделять ни одной лишней монетки на содержание образцов. Не будь образование и адаптация к внешнему миру жизненно необходимой, они бы оставили

подопытных дикарями.

Но временами, особенно когда просыпалась посреди ночи, Шестая свой дом ненавидела, так как тот вызывал у нее позорное чувство слабости и беспомощности. Дом располагался в тихом районе, обеспеченном достаточно, чтобы здесь не гуляли по ночам, не шумели машины, а именно шума Шестой не хватало. Дом казался пустым, огромным, стены — слишком тонкими, не способными защитить. Как будто она вновь вернулась в ту комнатку, где провела первый год в плену у Эстранео. Шестая подолгу лежала, прислушиваясь к отдаленным шумам, цепляясь за каждый гудок автомобиля, пока вновь не засыпала, ободренная и уверенная, что находится на свободе.

Шестая Савада Тсунаеши не боялась темноты, она боялась закрывать глаза. Тот первый год, когда Эстранео усиленно работали над ее зрением, запомнился дичайшим чувством беспомощности. Ей, привыкшей видеть мир вокруг, было сложно определить, куда идти, где поворачивать. Где она вообще находится, светло ли, темно ли вокруг. Может, над нею сейчас смеются, глядя на судорожные попытки слиться со стенами. Она практически не отрывалась от стен в тот год, повязка давила на веки.

А вокруг царила тишина, темнота и пустота. Как бы она ни старалась, не могла определить границ комнаты. И даже собственный голос не разрушал жуткого марева неизвестности вокруг. Она звала. Маму, папу и... его. Того, чьего имени уже не помнит. В маму и папу перестала верить, а вот в него — нет. Жаль, ей не вспомнить имени, не после комы. Так хотелось бы найти его, спросить.

— Тсуна любит тебя больше, чем нас, — Савада Нана заливисто смеялась, пока загорелые руки подбрасывали хохочущую дочку вверх.

— Ага! — подхватывала девочка. — Ты самый-самый лучший!

В ее воспоминаниях, коротких, обрывочных, размазанных по краям туманной дымкой плохой детской памяти всегда сияло солнце, а мама улыбалась. В своих воспоминаниях Шестая была счастлива, она отвлекалась ими от темноты, пустоты и неуверенности.

Имя рвалось с языка, казалось, вот-вот она произнесет его, родное и спокойное... но нет, так и не удавалось вспомнить.

Шестая прикрыла глаза, завернулась в одеяло, как в кокон, выставив наружу только нос. Она никогда не выключала свет, если спала одна, до последнего, пока глаза не закрывались сами, смотрела на стены, на шкаф, чтобы не сомневаться — дом, свобода, безопасность.

Однако сейчас взбудораженный за день разум никак не хотел выключаться, обдумывал, мусолил, переваривал полученные сведения, сопоставлял и крутил, как пазлы мозаики, подбирая нужный угол, чтобы состыковалось все. А ведь она, в отличие от Рейзела, пила не кофе, а красный чай. Не помогал, как обычно, даже далекий шум ночного города, Шестая «срывалась» с концентрации на каком-либо отдельном звуке.

Мысли то и дело возвращались к Рейзелу, к короткому разговору с Франкенштейном, что состоялся уже после отбытия одноклассников домой. Новые проблемы, хлопоты. И снова Рейзел... Волосы у него, кстати, как самая густая, безлунная ночь.

Темнота не пугала, только не городская, расцвеченная миллионами огней, неонов, светом фар проезжающих мимо автомобилей. Нет, пугала пустая, тихая темнота, какая царила сейчас в доме, не нарушаемая чужим дыханием. В такие минуты Шестая боялась проснуться и вновь оказаться в комнате своего первого года в Эстранео, с повязкой на глазах, не уверенная, трясущаяся от каждого шороха.

Бороться надоело, в конце концов, Шестая сдалась, открыла портал в комнату мамы, куда провалилась вместе с подушкой и почему-то тапками. Тепло даже не уютной спальни — всего мира — прогрело насквозь, до костей, обволокло, приветствуя любимое дитя. С души словно сняли тяжкий груз, ведь приятно, когда тебе искренне радуются, Шестая забралась под бок Третьей, завозилась, пока мама не прихлопнула ее рукой, невразумительно велев перестать «копошиться, как жук навозный» и спать. Подействовало лучше любого снотворного и даже молока с медом.

Утром, проснувшись, когда только-только забрезжил рассвет, пугая сизый мрак пунцовеющими лучами, Шестая долго смотрела на лицо спящей на соседней подушке Третьей. Мысли текли плавно, вяло, еще не проснувшиеся до конца, пребывающие в какой-то своей туманной дымке.

Третья спала, и светлые волосы ее беспорядочными крупными локонами вились по подушке, как плети розовых кустов. Мама единственная, кто изначально слегка отличался по внешности от других Тсунаеши. Немного другой разрез глаз — кошачий, немного другой цвет волос — светлый, унаследованный не от Наны, а от Емитсу. И крупные кудри, а не топорщащийся в разные стороны ежик. В отличие от Шестой, воплощение грации и женственности.

И стабильности. В Третьей чувствовалось постоянство, спокойствие всего мира, материнское, теплое, глубокое. Наверное, именно поэтому она была когда-то выбрана мамочкой семейства. Наверное, именно поэтому она согласилась на свою роль — ей тоже требовались объекты приложения сочувствия, заботы, ласки, переполнявшей душу, вытравить которые не смогли никакие эксперименты, а ведь она перенесла их в несколько раз больше, чем остальные...

— Спи, заканчивай рефлексировать, — пробурчала Третья, не открывая глаз, и Шестая послушно заснула. Она вообще была послушной девочкой, «маминой принцессой», как еще ее называли в шутку.

В следующий раз она проснулась уже глубоким утром от громких и весьма недовольных голосов. Хотя нет, недовольным был только один голос, мама искренне наслаждалась происходящим.

Мужчина в черном деловом костюме, скрестив ухоженные руки с красивым, сильным запястьем на груди, сверлил гневным взглядом стоящую напротив, буквально светящуюся своим превосходством над противником Третью. Уже причесанную, в привычном платье. От

нее вкусно пахло выпечкой и чаем. Почему они выясняли отношения в спальне, где спала Шестая, оставалось загадкой.

— Я нашел у тебя в постели мужчину! — гневно восклицал незнакомец, и ящерица на его плече потрясала хвостом в такт словам, поддерживая хозяина.

— Ну, надо же! — всплеснула руками Третья. — Я не нахожу, а он нашел! Какой умничка!

Ядом в ее словах можно было отравить небольшую деревеньку. Шестая затряслась от смеха, когда поняла, что именно она стала причиной «семейной» ссоры. Закуталась как всегда в кокон, а по торчащему ежику красных волос не понять, кто спит в кровати, но незнакомец как всегда предположил худшее.

Третья заметила пробуждение дочери, тут же переключила внимание на нее.

— Вставай, детка, завтрак уже готов. А ты, Реборн, иди... куда там собирался. Вообще, зря я с тебя проклятие снимала. Младенцем ты мне таких претензий не предъявлял.

Реборн — а ничего так, симпатичный, — гневно фыркнул и, резко развернувшись, покинул собрание. Шестая захихикала вслух. Оказывается, ей не хватало именно этой атмосферы упорядоченного дурдома, которая царила в Семейке.

— Быстро ты с него проклятие сняла.

— Долго ли, умеючи, — повела плечами Третья, приземляясь на край кровати. — Как в том анекдоте, помнишь? «Как у вас получились такие замечательные дети? Угрозы, подкуп, шантаж.»

— Кого шантажировала?

— Да всех и сразу. Особенно досталось Вендиче и Кавахире, — при упоминании «сородича» губы женщины, чувственные, изогнутые изящным луком — еще одно отличие от остальных — поджались. Кавахиру всех миров Третья на дух не переносила, так как считала, что всегда можно придумать что-то другое, кроме жертвоприношений, имеющих лишь временный эффект. Достаточно подключить мозги. — Ну, а зачем ты здесь?

Шестая раскинулась на кровати, прикрыла глаза, впитывая всем сердцем блаженный отдых и возможность ничего не решать, ни о чем не беспокоиться. Третья за нее уничтожит кого угодно. Перерыв, взятый ненадолго, коль уж ввязалась в мутную, но занятную игру в собственном измерении.

— Мне нужен совет. Есть пара людей. Неплохих, по моему мнению, однако... они работают на условно вражескую организацию. Конечно, у них свои причины и тому подобное...

— Ты не хочешь их уничтожать, — с понимающей улыбкой откликнулась Третья, пожала плечами. — Тогда оставь в живых. Интуиция — единственное, чему стоит верить в данной ситуации, потому как, что бы там ни утверждали многочисленные Вонголы многих миров, их интуиция не выросла из чутья, обострив то до невозможности, а, скорее, «спустилась» от предвидения, сохранив при этом многие полезные качества. Если ты чувствуешь, что в будущем эти люди тебе пригодятся, так оставь их и посмотри. В любом случае, надо принимать решения, о которых не будешь жалеть, и не жалеть в будущем о том, что когда-то их приняла.

Шестая рассмеялась, перекатилась на кровати, уткнувшись носом в теплые колени. Третья не менее привычно запустила пальцы в короткие волосы, вытянула отросшую челку... Ну, да, надо бы подстричь, но все никак руки не доходят.

— А почему Реборн подумал, что я мужчина?

Третья хохотнула.

— Потому что до этого у меня ночевали Десятый, Первый и притащившая откуда-то мужскую рубашку Пятая.

Шестая рассмеялась: они все периодически, когда одолевали кошмары, шастали ночевать под бочок к Третьей, добирая гармонии и спокойствия. Раньше могли завалиться еще к Десятому, но теперь место в его кровати было прочно занято. Кстати! Почему тогда он...

— Все расскажу, — пообещала Третья, дернув легонько за прядку. — Только вставай, умывайся и спускайся к завтраку. В школу ты сегодня не идешь!

— Хорошо-о-о!

Может, это и неправильно — прогуливать, ведь можно пропустить что-то важное, но в конце концов, перед кем Шестой отчитываться? Она вполне может позволить себе делать все, что вздумается. В том числе отдохнуть у Третьей, по которой изрядно соскучилась, хотя вроде бы виделись недавно.

Прямо сейчас она нуждалась в коротеньком перерыве, чтобы устаканить мысли, чувства, впечатления. Да и директора, пожалуй, вчера для нее было слишком много!

Кстати, надо растрясти эмо-угол на информацию!

Мысль проверить место схватки директора с новым противником пришла очень вовремя. Все

лучше, чем просиживать штаны дома и коситься на соседний домик — вряд ли Франкенштейн спустит такое пренебрежение правилами, как прогул. Нет, они договаривались, но ведь любопытство ученому, совсем не бывшему, не чуждо.

Заброшенное здание, бывшая стройка, работы на которой в данный момент приостановлены. Шестая в прошлый раз не обратила внимания, но, скорей всего, это то же самое место. В архиве указано, что раньше здание принадлежало какой-то исследовательской компании, которая переехала в другое, более надежное и современное, место. Скорей всего, Союз. Но разбрасываться имуществом не стал, придержал для себя как раз на такой случай.

Никого не видно снаружи, однако тепловизор отметил двух человек. По габаритам, Двадцать четвертый и женщина, которую упомянул Франкенштейн. Кстати, у обоих модификантов температура тела выше человеческой. Шестая отложила специальный бинокль, чтобы переслать сообщение Восемнадцатой. Пусть знает, что внешними методами ее исследования подтверждаются.

Повышенная температура тела, регенерация, скорость прохождения реакции, измененное ДНК и структура крови. В обоих случаях, не слишком сильно изменено, однако Восемнадцатая утверждала, что у Двадцать первого изменения продолжают, протекают достаточно стабильно, хоть и неравномерно. Для четких и уверенных выводов сестра нуждалась в большем количестве материала. Увы, предоставить его невозможно...

Тело среагировало на шорох, и прежде, чем Двадцать первый успел ступить на крышу, в лоб ему уже уперлось дуло пистолета.

— Я пришел с миром! — поднял он руки.

Выглядел модификант неважно: круги под глазами, искусанные губы и раздраженные, тонкие, пересекающиеся крестами порезы по всей длине рук, красные, воспаленные, но внутри, вместо крови, виднелось нечто темно-фиолетовое, страшное. Наверное, именно из-за болезненных ощущений сегодня Двадцать первый пришел без плаща.

— У них там все в порядке? — кивнул он на здание.

— Да, — наверное, ведь в тепловизор толком ничего не разобрать, только количество целей, положение и кое-какие действия.

Двадцать первый присел на край крыши, свесив ноги. Немного подумав, Шестая составила ему компанию.

Картинка отдавала сюрром. Похититель и его жертва, без воздействия Стокгольмского, сидят на краю крыши и мирно беседуют. Если, конечно, не обращать внимания на раны мужчины и пистолет на коленях девушки.

— Так и знал, что вы с ним заодно.

— С кем?

— С тем блондином, что пришел после тебя.

— А... Это директор нашей школы. Даже не подозревала, что он обладает какими-то способностями.

М-21 какое-то время пристально следил за мельтешащими на горизонте огнями, на крохотными звездочками пролетающих в темном вечернем небе самолетов. Наболело, но он не знал, как сказать об этом, а когда заговорил, голос его звучал глухо и зло:

— Мы слишком долго не выходили на связь, и за нами прислали чистильщиков, Мэри и Джейка. После драки с тем блондином у Джейка поехала крыша, раны не заживали, и его отправили в исследовательский институт. Мэри завершает расследование одна.

— То, про похищение гроба? Что? — Двадцать первый выглядел удивленным, но в конце концов помотал головой.

— Да. Как только получит нужные сведения, она нас уничтожит.

— За что?

По губам пробежалась кривая усмешка, исказив те еще больше. На восточный манер Двадцать первый, пожалуй, был не очень красив: слишком резкие черты лица, хоть и тонкие. Озлобленные, закаменевшие в какой-то животной защитной агрессии, как будто он вынужден был огрызаться, чтобы не ударили. Эта агрессия, как и вечное ожидание подвоха, предательства или очередного унижения, отделяла его от мира надежнее, чем могли бы сделать самые высокие на свете стены.

— За то, что мы существуем? За то, что промолчали о встрече с блондином, да еще и выжить умудрились?

— Мог бы прикрыть раны.

— Под одеждой еще хуже: болят, ноют, текут, — он покачал головой, волосы, кажущиеся в лунном свете седыми, завесили лицо. — Но я сейчас не о том. Пусть это будет последним, что я сделаю, но... Не применяй пламя на людях, особенно, на членах Союза. Мы с Двадцать четвертым промолчали, но остальные более лояльны к организации. У Союза есть возможность отслеживать стабильные источники сильного пламени.

— Взгляни на меня. Где ты видишь сильное и стабильное пламя? — Шестая фыркнула, посерьезнела: — Вы в самом деле хотите сдаться?

— Сдаться? Нет, конечно! Мы обещали другим своим товарищам, что будем жить, любой ценой выживем, — слова его звучали горячо и страстно, как самая истовая молитва в мире, как нить, удерживающая на плаву от погружения в безумие или, хуже того, в безразличие. — Мы будем сражаться. Но против Мэри у нас нет шансов. Она гораздо сильнее и быстрее Джейка, они приехали с уже готовым решением убить нас, так что...

— Не боишься мне это рассказывать?

Двадцать первый ухмыльнулся.

— Ты не убила нас, хотя имела возможность. Если бы мы не похитили ту девчонку...

— Кто знает...

Взрыв прозвучал громом с ясного неба, вся наигранная беззаботность растворилась в миг. Заброшенное здание содрогнулось, откуда-то вырвался небольшой клубок каменной пыли. Двадцать первый подскочил, глаза его расширились от боли и страха.

— М-24!

Он бросился вниз, преодолев расстояние в один прыжок, и просто растворился внутри. Времени, на которое он надеялся, за которое Мэри должна была добыть какие-то доказательства, у них не оказалось. Шестая тоже поднялась, готовясь спрыгнуть. В конце концов, мама права: надо доверять своей интуиции.

Разница между прыжком Двадцать первого и ее окончательным решением помочь составляла всего несколько секунд, но Шестая не успела даже шагу ступить, как ее ухватили цепко за локоть.

Рейзел в своем белоснежном костюме, на фоне ночного неба и городских огней, с развевающимися волосами казался нездешним существом, фейри, вышедшим из древних легенд.

— Ты не пойдешь, — голос, обычно мягкий, ровный, сейчас переливался обилием полутонов категорического, повелительного запрета. Этому запрету хотелось подчиниться, несмотря на то, что силы в свои слова модификант не вкладывал.

— Но... Нет! — Шестая решительно выдернула руку. — Я должна!

Короткий поединок взглядов, но на самом деле Рейзел все для себя решил.

— Ты не пойдешь! — снова повторил он, на этот раз его хватка была... категоричнее. — Франкенштейн!

— Да, Мастер!

Ранее не замеченный директор черно-белой молнией сорвался вниз, а через десяток секунд здание почти насквозь, с ужасающим грохотом, пробило женское тело. Беспомощно изогнувшись, она взлетела, а после опала, раскинув руки, навстречу хищно оскалившемуся Франкенштейну.

— Идем, — рука, обхватившая за плечи, казалась естественной. Они вместе прыгнули вниз, вместе приземлились. Разве что Шестая менее грациозно, но, в самом деле, с движениями Рейзела не сравнится даже директор.

Пока Франкенштейн бушует на поверхности, надо найти Двадцать первого и помочь Двадцать четвертому.

Рейзел выглядел задумчивым, чуточку грустным. Рука его, соскользнув с плеча, прошла по другой руке снизу до верху, пока не обхватила мягко узкую ладонь. Шестой даже на секунду стало стыдно: шершавая кожа, с бугорками мозолей. Но Рейзел ничем не выдавал неудобства или насмешки.

Они шагали темными коридорами, спускаясь все ниже и ниже, переступали через балки и позабытые ведра-конусы-мешки с тряпьем. Сверху доносились звуки ударов, Шестая слышала ядовитый, полубезумный смех, но его все больше заглушал ветер и звук рушащихся камней. Франкенштейн развлекался вовсю.

— Вы следили за мной?

— Мы видели, как ты направилась сюда. Я не хочу, чтобы ты пострадала.

— Я могу постоять за себя.

— Знаю.

Двадцать первый стоял на коленях перед тем, что раньше было его другом. Сгорбленный силуэт, поникшие плечи и судорожно, беспомощно сжатые кулаки.

-...она солгала. Навешала нам лапши на уши, чтобы разделить... — он все еще мог шептать.

Вывернутые ноги, дважды пробитое сердце... Против такого не спасет никакая регенерация. Тем более, если Восемнадцатая в своих исследованиях права...

— Прости. Глупо вышло, да? Зато теперь ты не будешь привязан к организации из-за меня...

— Молчи!

-...сможешь пойти, куда захочешь...

— Заткнись, я вытащу тебя!

— Мое тело уже разрушается, это не остановить.

Шестая подошла медленно, еле слышно, чтобы не мешать. Перепачканные, по локоть в крови, руки М-21 сжимали кусок мяса, по-видимому, что-то из внутренних органов. Оно разрушалось прямо на глазах. Наверное, он до последнего пытался зажать рану, остановить кровотечение, но...

Белесые глаза, страшные, слепые, но видящие, нашли девушку.

— Попроси за него. Пожалуйста.

Шестая кивнула, и умирающий улыбнулся. Она видела много улыбок, в том числе отмеченных кровью, росчерком меча или солнечного света проходящих сквозь насыщенный железным ароматом воздух. Она видела много смертей в своей жизни, ее сердце слегка очерствело, потому что устало болеть за каждого, кого ее пуля лишала дыхания. Но сейчас... именно сейчас, именно в этом случае было грустно. Наверное, потому что хотела помочь, но слишком много думала.

Если бы она не отправилась к Третьей, удалось бы спасти Двадцать четвертого? Могла ли она ему помочь? Могла, но вряд ли стала бы, потому что до последнего колебалась, ей помог только разговор с мамочкой. Ушли сомнения и последние колебания, стоит ли выдавать себя.

В этом нет ее вины. Нет ничьей вины, кроме тех, кто ставил бесчеловечные эксперименты. В конце концов, загадочная Мэри могла убить их сразу, Шестая тут ничем бы не помогла.

— Мастер, я... — Франкенштейн замолчал, остановленный Мастером.

Значит, Мэри мертва. Почему-то Шестая в этом не сомневалась.

Она опустилась на колени, осторожно разжала кулаки Двадцать первого, вынимая острые,

длинные когти, прошившие ладонь.

— Идем. Возможно, так даже лучше.

— О чем ты? — зарычал мужчина, подскочил, сжал отвороты куртки, пачкая ее чужой кровью.

— Он был моим товарищем!

Шестая не волновалась, она успеет выстрелить.

— Помнишь, я взяла у вас кровь? — Двадцать первый кивнул, все еще напряженный, как взведенный курок, все еще готовый ударить. — Моя подруга сказала, что его тело разрушалось вопреки всем усилиям. Его мутация, в отличие от твоей, несовершенна. Совсем другой вид. И она превысила лимит человеческого тела. Мозга в частности. Он бы... все равно умер. Только медленно, мучительно... или на лабораторном столе.

Двадцать первый вздрогнул, а затем уткнулся носом в плечо, задышал шумно и прерывисто, вынужденный сгорбиться из-за маленького роста девушки. Она только могла стоять, не поднимая рук, не пытаясь утешить.

Как бы ощущала себя она, если бы кто-то из сестер или братьев не прошел химеризацию? Что чувствовала бы? Каждый день она живет с глубинным страхом, потому что, несмотря на удачные изменения первых, измениться еще предстоит многим, и последствия непредсказуемы. Поэтому да, она понимала Двадцать первого. И даже немного винила себя, немного, потому что предсказать развитие событий не мог никто.

Потому что, несмотря на жалость к нему, Двадцать первый для нее пока что еще совсем чужой человек. Позже, гораздо позже...

— Ты можешь... сделать с ним то же, что с упырем? — наконец хрипло спросил он, оторвавшись и вытирая глаза.

Шестая молча выстрелила в остатки тела, оно вспыхнуло оранжевым огнем, а промчавшийся в стеной пролом ветер развеял пепел.

— Спасибо.

— Идем, — вперед совершенно неожиданно выступил Франкенштейн. Двадцать первый смерил бывшего противника тусклым взглядом. Шрамы его рассасывались буквально на глазах.

— Куда? — он еще не совсем утратил способность удивляться, но его эмоции были изрядно припорошены горечью от потери.

— Он попросил позаботиться о тебе, — пожал плечами директор. — Это я и намерен сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/16503/334486>